

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ КУПЕЧЕСТВА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – начала XX века

Историческая наука сегодня стремится выйти из традиционного для нее амплуа рассказа о политических и экономических событиях или о неотвратимости действия «объективных» сил и закономерностей, стоящих над человеком. Она старается проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов, за идеологическую сферу, присутствующую в каждом историческом памятнике, проникнуть в социально-психологический мир его создателей, выраженный бессознательно и даже иррационально. Люди живут «во времени», «в своей эпохе», т.е. в конкретной и живой действительности – и только в этой среде они могут быть поняты, т.е. может быть объяснен смысл их поступков. Поэтому неизбежным условием любого исторического исследования является расшифровка символического языка ментальности.

Актуальность изучения менталитета российского купечества связана с тем, что данная социальная группа фокусировала через себя культурные изменения исторических эпох нового и новейшего времени. Важным моментом является также введение историко-краеведческого материала в культурологический контекст. Исследователь сибирского купечества В.П. Бойко рассматривает менталитет как характеристику человеческой общности, «которая определяет весь строй мышления человека, в эту общность включенного, и опирается, в свою очередь, на основные положения социальной психологии, на образ жизни, традиции и обычаи этой общности»¹. На мой взгляд, наиболее полное и последовательное концептуальное изучение понятия менталитета предприняли историки-медиевисты, представители французской школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр². Один из их последователей, представитель отечественной школы «новой исторической науки», специализирующейся на изучении менталитета, А.Я. Гуревич считал, что ключевым в концепции ментальной истории является понятие «картина мира». Картина мира – это продукт культуры в антропологическом смысле этого понятия. Каждый человек, принадлежавший к данному обществу, не мог не разделять определенный взгляд на мир и не усвоить ту сетку координат, которая заложена в человеческое сознание³. Эти координаты достаточно статичны для общества в целом в рамках ограниченного хронологического периода, но могут иметь определенные отклонения, связанные с социальным или экономическим статусом тех или иных групп людей.

Определяя координаты «картины мира» для уездного купечества Вятской губ. XIX – начала XX в., я остановилась на следующих показателях: семья и брак, приемы воспитания детей и уровень образования, ценностные ориентиры в предпринимательстве, религиозное сознание и социальные навыки мышления, культура повседневности и стереотипы поведения, общественная и благотворительная деятельность, организация досуга и развлечений. Каждая из названных координат определяет направление исследования отдельной черты социально-психологического мира уездного купечества, а в совокупности позволит выявить целостную картину купеческого менталитета.

Большая часть из названных координат, так или иначе, становится предметом изучения отдельных отраслей знаний: социологии, педагогики, культурологии. Исклю-

* Маслова Инга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Елабужского государственного педагогического университета.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № П319 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

чение, пожалуй, составляет проблема изучения форм и приемов организации досуга и развлечений отдельных сословий, которая рассматривается исследователями поверхностно, либо как дополнительный штрих при изучении культуры в тот или иной хронологический период. Вместе с тем анализ приемов проведения праздников и организации досуга, с одной стороны, отражает характерные социально-психологические черты сословной группы, с другой – позволяет выявить точки соприкосновения менталитета различных сословий.

Значительную роль в быту купеческой семьи играло участие в религиозных обрядах: посещение церкви, прием священника, крестные ходы. «Календарь Вятской губернии» за 1880 г. сообщает: «В нравственном отношении вятчане считаются честнее жителей фабричных губерний... Население Вятского края щедро на пожертвования и какое-нибудь доброе дело. И отличается набожностью и благочестием, которое выражается в строгом соблюдении постов, сред, пятниц и даже часто понедельников, а также в оделении нищих милостынею. Набожность народа Вятского края может служить образцом для других губерний: нигде нет таких богатых церквей и в них украшений; крестные ходы совершаются во многих местах губернии по несколько раз в год»⁴.

Каждое воскресенье купцы с семьями ходили к заутрене, обедне или вечерне. Эту сторону жизни купечества описал сын елабужского 1-й гильдии купца Д.И. Стахеев: «Приказчики задвигают железные запоры хозяйских лавок и, исполняя хозяйское приказание, тоже тянутся толпами в церковь. Вот и купцы с семьями подъехали на пыхтящих лошадях к церковной паперти и оделяют грошиками нищую братию. Духовенство всем собором служит вечерню, потом читает акафист Спасителю с коленопреклонением. Служба вообще торжественна. Зажженные свечи отражаются в ризах икон, в алтаре виден серебряный блестящий престол. Акафист читают поочередно все священники, а по окончании его парами подходят к образу Спасителя, кладут три земных поклона и целуют образ»⁵.

Обязательным атрибутом каждого купеческого дома был «красный угол», уставленный многочисленными иконами. У состоятельных купцов были специальные комнаты, в которых порой размещался целый иконостас, священные книги и другие предметы культа. Не совершив молитву, купцы не начинали никакого дела. Иконы в числе первых описывались в перечне имущества, передаваемого по духовному завещанию. Текст завещания начинался обращением к Богу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»⁶. Даже в описи имущества парохода «Пион», принадлежавшего торговому дому «Иван Григорьевич Стахеев», значились 2 иконы⁷. Уездные купцы часто избирались в церковные старосты. Например, купец 2-й гильдии А.К. Стахеев с 1896 г. исполнял обязанности церковного старосты в Пантелеймоновской домово́й церкви при богадельне Елабуги. Г.В. Стахеев являлся церковным старостой церкви Александрийского детского приюта⁸. Купец 1-й гильдии Н.В. Смагин в течение 8 лет служил церковным старостой Покровской церкви г. Сарапула⁹.

Показательным для отношения представителей третьего сословия к церкви является практика приема причта в купеческих домах в дни важнейших религиозных праздников. Такие дни – Рождество, Пасха и др. – были самым популярным временем проведения развлекательных мероприятий и торжеств. На Святочной неделе проводились балы-маскарады с ряжеными, организовывались народные гуляния. Неотъемлемой частью Святка были гадания, устраиваемые молодыми девушками. На страницах газеты «Вятский край» сообщалось: «Елабуга. Святки. 29 декабря состоялся бал-маскарад... Завсегдатаи общественного собрания все налицо»¹⁰.

На Пасху было принято наносить друг другу визиты. Нередко индивидуальные посещения заменялись проведением коллективного праздника. В 1897 г. жители г. Котельнича в первый день Пасхи в 12 час. собрались в клубе. На торжество съехалось более 80 человек. Такие мероприятия особым образом объединяли представителей различных сословий: «Здесь совсем стусеивались чины и звания, а явились лишь граждане, проникнутые одним желанием по-людски встретить праздник»¹¹. По подписке были собраны средства для разговенья, остатки от которого были розданы бедным. Нередко

на подобных мероприятиях инициировались разного рода благотворительные проекты. В данном случае председатель земской управы Кошурников предложил учредить в Котельниче благотворительное общество для содержания дома трудолюбия¹². Религиозные праздники нередко заканчивались поступками, чуждыми идее «христианского смирения». В январе 1897 г. корреспондент «Вятского края» из Сарапула писал: «Местного 1-гильдии купца перед Рождеством сильно побили в “благородном собрании” за то, что, играя в карты и проиграв несколько сот рублей, он шутя выразил своему партнеру сомнение насчет правильности его игры, за что последний, защищая свою честь, ударил его так сильно, что тот слетел с ног с окровавленным лицом»¹³.

Купеческие развлечения XIX в. имели народные корни. Кулачные бои и единоборства стали популярной забавой горожан и любимым зрелищем уездных купцов. В 1863 г. В. Кудрявцев на страницах «Вятских губернских ведомостей» описал, как проходили кулачные бои в Елабуге: «Место для боя обыкновенно выбиралось где-нибудь на мосту среди города, чтобы удобно было драться и побеждать противников, сваливши их под мост. Елабужане бились друг с другом: пришедшие со спасской стороны составляли партию спасских, а пришедшие от николаевской церкви становились и держали сторону николевских... Мещане-бойцы с нетерпением ожидали начала боя, купцы как зрители и ценители боевых успехов с приближением масляной (недели. – *И.М.*) оставляли свою торговлю и всего более интересовались вопросом: чья партия одержит верх – николевская или спасская? Чтобы поспешествовать успешному бою, они обыкновенно выставляли своим пиво и вино»¹⁴. К началу XX в. кулачные бои остались скорее отголоском прошлого, чем стержневым зрелищем народных гуляний. Более того, состязательность и спортивный дух этого народного развлечения уступили место жестокости и желанию доказать свое физическое превосходство, даже путем нанесения увечий противнику. Упоминание о подобном виде организации досуга в 1909 г. в Сарапуле содержится на страницах газеты «Прикамская жизнь»: «Почти каждое воскресенье или праздничный день по вечерам выходят две партии: одна старцевгородская, другая кладбищенская. И как та, так и другая вооружается палками, ножами, некоторые револьверами, таким образом, получается уже не борьба, а серьезная драка»¹⁵.

Распространенной забавой купечества были конские бега и катание на лошадях. На Масленицу катания приобретали массовый характер, и купцы могли продемонстрировать роскошь своих экипажей и резвость лошадей. В Елабуге «в большом ходу лошадиный спорт... излюбленное катание производится по ночам и измеряется количеством загнанных лошадей»¹⁶. В начале XX в. в уездных городах для организации подобных развлечений стали строить ипподромы. Отмечу, что в купеческой среде зрелищность состязаний всегда брала верх над спортивным азартом. Например, в 1909 г. в Сарапуле на ипподроме не состоялись заранее объявленные лыжные гонки из-за отсутствия желающих принять в них участие. Вместе с тем назначенные на тот же день состязания в «призовой садочной стрельбе» не только состоялись, но и вызвали неподдельный интерес публики. По условиям состязаний, соревнующиеся должны были стрелять в голубей, выпускаемых из садков. Число участников достигло 20 человек, на каждого из них выпускали 4 голубей. Выигрывал тот, кому удавалось подстрелить наибольшее число птиц. «Звук медного рожка прорезывал воздух, голубь взвизывался над ямой, где сидели “спортсмены”, раздавалось глухое щелканье выстрела, и птица камнем падала на сверкающий снег. Платные и бесплатные зрители, с возбужденными лицами, точно опьяненные кровью, следили за каждым выстрелом. Особенно было больно смотреть на детей. Облепившие забор ребятишки, начиная с 7 лет, громко смеялись, кричали и хлопали в ладоши»¹⁷. Непременными участниками, и, как правило, призерами подобных состязаний были купцы. В указанных соревнованиях пальма первенства досталась купцу Ф.И. Устимову, подстрелившему 3 голубей. Большой популярностью в Сарапуле пользовались и состязания по атлетической борьбе¹⁸.

Говоря о купеческой среде, нельзя обойти вопрос о пьянстве, которое отягощало жизнь многих семей. Купечеству были свойственны кутежи, разгул, дебоширство. Ни религиозность, ни общественная деятельность не могли защитить большую часть

уездного купечества от этого порока. На заседании городской управы г. Слободского сообщалось: «Большое распространение получила “бражка”, которая находит весьма большой контингент потребителей. “Бражка” захватила и детей»¹⁹. На страницах газеты «Камско-Волжский край» в 1897 г. корреспондент из Елабуги сообщал: «Елабужцы не живут, а прозябают, и обычную спутницу подобного существования скуку прогоняют рюмочкою»²⁰. В. Магницкий в 1883 г. на страницах «Календаря Вятской губернии» опубликовал собранные им поверья и обряды Уржумского уезда, часть из которых иллюстрировала пагубное пристрастие горожан к спиртному. При этом автор возлагал вину «за массовое пьянство» на владельцев и служащих питейных заведений: «Сидельных питейных домов, для привлечения большего числа посетителей, угощают последних напитком под названием “кумышка”, приготовленным следующим способом. В опорожнившуюся из под вина бочку выливают ведро или два воды и шкалик или косушку вина; смесь эту держат в бочке неделю или две, каждый день взбалтывая ее перекачиванием бочки; затем смесью угощают посетителей. По рассказам, кумышка приятная, и в незначительной дозе действует крайне опьяняюще»²¹. Котельнический уездный врач А. Себеряков, выступая в 1898 г. перед обществом врачей, сообщал: «Нитью, связующей горожан между собою, была водка. Водку пили все сословия во всякое время дня и ночи... В городе богачи пили сами, пили и угощали своих клиентов, агентов и адептов; среднего достатка человек пил с товарищами “из безделья”, чтобы лучше уснуть потом»²².

На купца не только ложился штамп «любителя спиртного», его зачастую считали главным виновником распространения пьянства среди населения, поскольку именно купцы были владельцами винокуренных заводов, многочисленных винных лавок, ренсковых погребов и трактиров. В качестве примера рассмотрим жалобу поверенного из среды крестьян О.Е. Гоголева на купца Стахеева, поданную на имя Вятского губернатора. Вызывает удивление пафосный стиль жалобщика, благодаря которому прошение из официальной делопроизводственной бумаги превращается в обличительный памфлет против купечества. Столкнулись «две равные в стремлении силы: с одной стороны, монополист и многомиллионный капиталист Елабужской 1-й гильдии купец И.Г. Стахеев, с другой – власть местной администрации от правительства»²³. Автор прошения противопоставляет купца официальным властям и, не скупясь на отрицательные эпитеты, заявляет: «Неужели живой человек может молчать безропотно, позволить себе запускать змею за пазуху? А такой дракон как Стахеев высосет все жизненные соки. Недаром в елабужском уезде ходят легионы нищих потому, что миллионер Стахеев, начиная от мануфактурной торговли до продажи калачей, отнял всякую возможность к пропитанию уездов. Его мельничные заводы, пароходоуправления, его повсеместно распространенная винная торговля с многочисленными подставными личностями убивают всю народную жизнь»²⁴. Возникает вполне закономерный вопрос: почему экономическое процветание края, а ведь именно об этом ведет речь крестьянский поверенный, говоря о заводах и пароходствах, о развитии торговли, вызывает ухудшение положения народа? Словосочетанием «подставные личности» назван огромный штат приказчиков, которым Стахеев не только предоставлял рабочие места, но и достойное вознаграждение за труд.

Что касается нищих, то это была проблема Российской империи в целом, а не конкретного уезда. Более того, именно в Елабуге вопросам оказания социальной помощи населению уделялось большое внимание. На средства того же И.Г. Стахеева в 1884 г. был построен дом призрения для лиц, просящих милостыню, а его дядя И.И. Стахеев основал благотворительный комитет, со счетов которого ежегодно выделялись средства на поддержание неимущего населения. При участии Стахеевых содержались 29 бесплатных народных столовых. В неурожайные годы организовывались десятки специальных пунктов, где нуждающимся выдавались пшено и мука²⁵.

Вернемся к сути инцидента, вызвавшего недовольство крестьян. В 1883 г. И.Г. Стахеев с разрешения сельского общества построил в деревне Ижевское Устье дом «для питейной продажи». При этом предприниматель обязался выплачивать за предостав-

ленную под строительство землю 250 руб. в год. Еще одним условием выделения земли было то, что питейная торговля в этом доме должна была осуществляться не более 1.5 лет. По истечении указанного срока «тот дом, со всеми к нему строительными приспособлениями будет передан нашему (крестьянскому. – *И.М.*) обществу безвозмездно»²⁶. Жители деревни планировали разместить в этом добротном строении приходское училище. Таким образом, когда крестьяне давали согласие на строительство питейного заведения, они, прежде всего, думали о выгодах, которые принесет эта сделка их селению. Но итогом соглашения с купцом, по мнению селян, стало распространение пьянства. «Кабак и табак испортили нравственность нашей молодежи, ее боязнь старших членов семьи побудила укрываться по задворникам и сеновалам, где курение табаку произвело пожар, истребивший зараз 39 домов»²⁷. Косвенную вину за происшедшее крестьяне возложили на купца-виноторговца. Более того, крестьяне подчеркивали, что деятельность предпринимателя нанесла прямой ущерб государству: «Конечно, виновных следствием не обнаружено, но упадок хозяйственный сделался причиной неоплатности казенных податей, и накопилась большая недоимка»²⁸.

И.Г. Стахеев действительно нарушил часть ранее оговоренных условий. В частности, продажа алкогольных напитков продолжалась и после оговоренного срока, но теперь кабак разместился в доме местного жителя М.А. Белоусова. Возмущение общественности вызвало также то, что становой пристав встал на сторону Стахеева. Не найдя поддержки в среде местных властей, крестьяне подали жалобу на имя министра внутренних дел. Но исход дела был решен в пользу купца: «Виноторговлю купца Стахеева в означенной местности, разрешенную Елабужским по питейным делам присутствием, признать правильною»²⁹. Согласно законодательству, открытие винных лавок разрешалось с таким расчетом, чтобы на каждые 500 душ населения приходилось не более одной винной лавки.

Тем не менее представление о купце как о гуляке и пьянице было бы неверным. Купцы, чрезмерно увлекавшиеся спиртным, быстро разорялись и выбывали из сословия. В источниках нередко указывается, что наиболее именитые и богатые гильдейцы ведут размеренный образ жизни. Более того, купечество осознавало пагубность пристрастия к спиртным напиткам, поэтому с готовностью откликалось на общественные мероприятия, направленные на искоренение подобных явлений. В начале XX в. в уездных городах стали появляться общества трезвости. Они устраивали летние клубы, инициировали проведение «безалкогольных» народных гуляний. В отчете о проведении одного из таких мероприятий в Александровском саду Елабуги в 1901 г. сообщалось, что праздник организован на благотворительные пожертвования. Предварительно по городу были развешены афиши с программой предстоящего мероприятия и указанием места и времени его проведения. Во время гуляний были устроены соревнования и конкурсы с призами, играл городской оркестр, из напитков гостям предлагался только чай с сахаром³⁰. Учитывая ранний возраст лиц, подверженных пагубной привычке, общества трезвости стали организовываться даже в школах. В 1915 г. Сарапульское общество трезвости выступило с инициативой создания детского народного сада, где были созданы условия не только для общения и отдыха детей, но и проводились занятия по труду для мальчиков и рукоделью для девочек³¹.

В большинстве уездных городов Вятской губ. существовали купеческие собрания или клубы, в которых проводились танцевальные вечера, театральные представления, празднования знаменательных событий и дат. Членство в городских собраниях было почетно и престижно, а отказ в приеме или исключение из клуба переживались болезненно. В собрании купечество избавлялось от клейма сословности и находило для себя новые, буржуазные формы общения. На вечера в купеческий клуб съезжались и купцы из прилежащих к городу селений. Например, нолинские купцы Коробковы имели имение с мельницей за городом, но «в длинные зимние вечера запрягали выездную лошадь и ехали коротать время в купеческом клубе или в гостиной одного из друзей»³². В течение 50 лет, с 1860-х гг., в Сарапуле существовал клуб «Общественное собрание». Клуб имел собственный большой оркестр, благодаря которому музыкальные и

танцевальные вечера привлекали купцов и членов их семей³³. Семейно-танцевальные вечера проводились и в елабужском общественном собрании³⁴.

Колоритный образ одного из вечеров в общественном собрании в г. Слободском рисует неизвестный корреспондент «Вятской незабудки»: «Вот они сошлись в клуб на танцевальный вечер или маскарад; сначала все идет довольно чинно, хотя и вяло и безжизненно... но, благодаря частым посещениям буфета, мужчины начинают понемногу оживляться и лезут в ссору с кем-нибудь, сводят старые счета... Смотришь – купец Пакшин уже честит городского врача “жидом” и “подлецом”... Крики и шум, пьяный говор, в буфете положительно давка и впереди всех 18-летний купчик, угощающий шампанским единственного представителя здесь военного сословия»³⁵. Как видим, корреспондент с сарказмом описывает развлечения в купеческой среде, стараясь подчеркнуть негативные стороны. Такое отношение к купечеству было общероссийской тенденцией. Купцов, в отличие от родовитых дворян, согласно сложившимся в обществе установкам, считали выскочками, нажившими капитал на коммерческих операциях. Их стремление приобщиться к дворянскому образу жизни высмеивалось. Не буду отрицать, что купеческий менталитет действительно был далек от дворянского, но это отнюдь не принижает достоинства данного сословия, а лишь подчеркивает его самобытность и специфичность. Кроме того, далеко не каждый дворянин российского общества XIX в. являлся достойным примером для подражания.

Среди уездного купечества были любители музыки и театрального искусства. В 1870-х гг. в Слободском, в доме известного купца городского головы Платунова, проводились музыкальные вечера³⁶. В Елабуге действовал любительский общественный театр, в котором играли купцы и мещане города³⁷. Большая часть средств, собранных от театральных постановок, шла на благотворительные нужды. В Уржуме любимым местом развлечения был квартал на Воскресенской улице, расположенный недалеко от моста через р. Уржумку. Здесь был организован прокат лодок. Город имел собственный театр, в котором играла любительская труппа. Вниманию зрителей предлагали 4 спектакля в год. Особой популярностью пользовались комедии и водевили. Например, в 1866 г. в театре шли 3 водевиля: «Мотя», «Провинциальный братец», «Утка в стакане воды». 2–3 раза в год устраивались общественные балы, средства для проведения которых собирались по подписке³⁸. В числе постоянно действующих развлекательных учреждений был городской клуб, где можно было поиграть в бильярд и в карты. «Иногда в клубе играл оркестр мальчиков, организованный в 1904 г. Виктором Медведевым, внуком купца И.В. Бердинского. Б.П. Стасский играл в этом оркестре на мандолине и рассказывал, что однажды кому-то из гостей так понравилась игра оркестра, что он заказал в буфете мясные пирожки для оркестрантов»³⁹.

Однако в целом общественная жизнь уездного купечества проходила весьма однообразно и монотонно. Доказательством служат многочисленные цитаты из статей местных периодических изданий того времени. Приведу сообщение 1895 г. из Слободского: «Вяло и безжизненно идет у нас общественная жизнь. Каждый из нас, да вероятно и в других уездных городах, живет по своему, и для личного удовольствия. Сегодня в клуб, завтра у кого-нибудь на именинах и так для нас изо дня в день»⁴⁰. Та же картина представлена в статье нолинского корреспондента: «Уныло и тихо переживает недавнюю славу Вятский Монако. Нолинский клуб одичал и замолк... До масленицы обыватели развлекались свадьбами, теперь наслаждаются именинами. Сойдутся, поговорят, выпьют, для разнообразия поругаются, глядишь вечер-то прошел»⁴¹. Сарапульский корреспондент замечает: «Промелькнули святки – завтра серые будни»⁴².

В начале XX в. вопрос об организации досуга горожан стал предметом оживленных дискуссий в местной прессе. По инициативе редакции сарапульской газеты «Кама» перед читателями были поставлены вопросы: необходимо ли организовывать развлечения для горожан и какие из них предпочтительнее. Ответы читателей были различны, но все они объединялись общей мыслью, что для поднятия народной нравственности местным властям необходимо уделять больше внимания организации досуга горожан. Епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий считал, что «наиболее желатель-

ным развлечением могли быть народные чтения, со световыми картинками и пением церковно-религиозных и патриотических песнопений»⁴³. Заведующий сарапульским книжным складом П.И. Коротов выделил среди «развлечений, подлежащих немедленному осуществлению... спектакли, общедоступные лекции и народные чтения; на втором плане можно поставить концерты и кинематограф»⁴⁴. Вопрос об организации досуга горожан нередко поднимался на заседаниях органов городского самоуправления. В 1915 г. на заседании слободской городской управы было принято решение о создании Народного дома с целью «предоставить населению возможность посвящать свой досуг разумному развлечению»⁴⁵. Городская дума в свою очередь материально поддерживала эту идею, выделив на устройство юбилейного Народного дома 7 500 руб.⁴⁶

В организации досуга уездного купечества проявился причудливый альянс народных традиций и светских забав по европейскому образцу. С одной стороны, купцы, следуя заветам предков, неукоснительно чтили религиозные обряды, с другой – проявляли пристрастие к европейским развлечениям, характерным для дворян, – музыке, театру, карточной игре. Отмечу, что развлечения уездного купечества Вятской губ. были значительно ближе к быту средних городских слоев, чем в центральной части страны, где объектом для подражания купечества было, в первую очередь, дворянство.

Примечания

¹ *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 339.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

³ *Гуревич А.Я.* От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. М., 1993. С. 26.

⁴ Календарь Вятской губернии 1880 г. / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1880. С. 35–36.

⁵ *Стахеев Д.И.* Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 381.

⁶ Домашнее духовное завещание елабужского купца 1-й гильдии потомственного почетного гражданина Д.И. Стахеева. (РГИА, ф. 799, оп. 4, д. 761, л. 3–4).

⁷ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 351, оп. 2, д. 1, л. 9.

⁸ Там же, ф. 346, оп. 1, д. 980, л. 96, 123.

⁹ *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии: Вторая половина XIX – начало XX веков. Ижевск, 2001. С. 294.

¹⁰ Вятский край. 1898. 13 января.

¹¹ Там же. 1897. 29 апреля.

¹² Там же.

¹³ Там же. 1897. 30 января.

¹⁴ *Кудрявцев В.* Кулачные бои в Елабуге // Вятские губернские ведомости. 1863. 2 февраля.

¹⁵ Кулачные бои // Прикамская жизнь. 1909. 13 сентября.

¹⁶ Вятский край. 1898. 1 января.

¹⁷ Садовая стрельба // Прикамская жизнь. 1909. 17 марта.

¹⁸ К организации народных разумных развлечений // Кама. 1915. 27 февраля.

¹⁹ Государственный архив Кировской области (далее – ГА КО), ф. 862, оп. 1, д. 2833, л. 186.

²⁰ Что для нашего общества нужно? // Камско-Волжский край. 1897. 31 января. С. 3.

²¹ Календарь Вятской губернии 1884 г. Високосный. Вятка, 1883. С. 99.

²² Очерк пьянства в быту горожан // Протоколы заседаний общества врачей г. Вятки за 1898 г. Вятка, 1899. С. 1.

²³ ГА КО, ф. 582, оп. 95, д. 117, л. 1.

²⁴ Там же, л. 2.

²⁵ *Маслова И.В.* Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 107–108.

²⁶ ГА КО, ф. 582, оп. 95, д. 117, л. 1.

²⁷ Там же, л. 1 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 21.

³⁰ Камский листок объявлений. 1901. 9 сентября.

- ³¹ О детском народном саде в Сарапуле // Кама. 1915. 4 сентября.
- ³² Соловьева Р. Усадьба Ивана Коробкова // Сельская новь (Нолинск). 1993. 11 ноября.
- ³³ Сарапульское общественное собрание // Прикамская жизнь. 1910. 6 февраля.
- ³⁴ Елабужские вести. 1906. 2 апреля.
- ³⁵ Общий очерк Слободского за 1876 г. // Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии 1877 г. СПб. 1877. С. 73–74.
- ³⁶ Там же. С. 76.
- ³⁷ Театральная афиша елабужского городского общественного театра // Фонды Музея елабужского купечества.
- ³⁸ Из Уржума // Вятские губернские ведомости. 1866. 25 февраля.
- ³⁹ Пентина Н. Уржум на старых открытках: Южная часть главной улицы // Уржумская старина: Краеведческий альманах. Вып. 4. Уржум, 1991. С. 15.
- ⁴⁰ Слободской // Вятский край. 1895. 24 октября.
- ⁴¹ Письмо из Нолинска // Вятский край. 1898. 26 марта.
- ⁴² Наброски // Кама. 1915. 6 января.
- ⁴³ К организации народных разумных развлечений // Кама. 1915. 27 февраля.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ГА КО, ф. 862, оп. 1, д. 2833, л. 187.
- ⁴⁶ Там же.